

Иван ЛЕМЕШЕВСКИЙ,

доктор экономических наук, декан факультета МЭО БГЭУ

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Формальное определение содержания антикризисной программы не выглядит как сверхсложная задача. Необходимо четко обозначить точку "А" — реальное положение вещей, точку "Б" — основные черты желаемой модели социально-экономического развития или устройства, а затем соединить данные две точки. Возникающая при этом линия и определит основную траекторию выхода из кризисной ситуации.

Тревожным симптомом нынче является то, что "местные реформаторы" вычерчивают множество разных линий. Связано это в первую очередь с тем, что при определении концептуальных основ преодоления экономического кризиса обнаруживаются принципиально разные подходы. И такая поляризация, вслед за углублением кризиса, нарастает. В одной и той же аудитории порой можно услышать не только известное "Вперед к рынку", но и "Назад к Ленину", или "к Сталину и Андропову", или же "Назад в единый и неделимый Союз", еще более замысловатое — "Наша стратегия — собственный путь развития" и т.п.

Безусловно, это только самые общие лозунги. Но за ними — разные трактовки содержания и причин самого социально-экономического кризиса, да и разные экономические интересы. Именно этим объясняются столь значительные различия обозначаемых на сегодняшний день антикризисных концепций и программ.

Сегодня можно выделить **ТРИ ОСНОВНЫХ ВАРИАНТА** трактовки содержания экономического кризиса.

1. Сведение экономического кризиса к **разновидности кризиса перепроизводства**, когда за кризисом сбыта и реализации наступает спад производства, который продолжается вплоть до возникновения очередной благоприятной конъюнктурной волны. По суще-

ству здесь ставка делается на нарушение известного "закона" спроса и предложения Ж.Б.Сэя. Отсюда — непрерывные требования открыть новые кредитные линии, прокредитовать затоваренное производство, оживить, к примеру, финансирование жилищного строительства и, по образцу США начала 30-х годов, преодолеть депрессию национальной экономики.

Такие подходы надо классифицировать как *"экономический романтизм"*, так как потенциал и экономическая природа кризиса оцениваются с позиций отдельного производства. Мало что изменит и переход от спроса к "совокупному спросу". Всегда ли спаду производства предшествовало затоваривание? Мы имеем дело не с "торговым", а с *структурным* кризисом экономики, который давно перерос и в кризис социальный. Финансирование "долгостроя" при ограниченных ресурсах — это наращивание инфляции предложения. В остальном при определении ограниченности платежеспособного спроса и его влияния на экономический рост необходимы специальные расчеты мультиплицирования в краткосрочный период.

2. Кризис как результат непродуманных действий "реформаторов-

демократов”. Схема такова: еще недавно все было более или менее хорошо, но за счет (или из-за) “демократизации экономики”, вслед за развалом СССР и т.д. усилились кризисные тенденции. Отсюда и соответствующие рекомендации по реставрации прежней экономической системы.

В данном варианте присутствует несколько концептуальных ошибок. Во-первых, в качестве точки “Б” не только признается прежняя *административно-командная система* (АКС), но она к тому же идеализируется, оставляется вне всякого критического осмысления. Надо признать, что в последний послевоенный период АКС или “советская модель хозяйствования” уступила Западу в экономическом соревновании по всем основным позициям. Показатели материалоёмкости, энергоёмкости национального дохода и т.д., производительности труда, далее — уровень жизни народа, бытовых условий, продолжительности жизни и др. были явно неблагоприятными. С начала 70-х годов возникающие социально-экономические проблемы разрешались далеко не в последнюю очередь за счет “нефтедолларов” и т.п. инъекций. Интенсивное использование богатейших природных и сырьевых ресурсов, значительные резервы рабочей силы, возможность некоторого маневра, за счет “следающего режима”, в условиях первых фаз НТР, жесткое сдерживание потребления населения — могло лишь продлить существование АКС, но лишило будущего. Демонтаж АКС — историческая необходимость. Реставрация АКС в той или иной форме — это перспектива оставаться периферией в международном развитии, владеть судьбу страны третьего мира.

Во-вторых, неточность оценок такого рода связана с тем, что ни период перестройки, ни три года (с 1991 г.) “рыночных реформ” не дополнялись соответствующими изменениями в политической надстройке. Демократические процессы не приобрели системного характера. Корпус прорабов “перестройки”, а затем и “рыночников” формировался во все тех же коридорах власти, за счет прежней политической элиты, лишенной свежих сил и интеллектуальной подпитки, избегающей

и постоянно откладывающей назревшее реформирование.

В обозначенном варианте трактовки содержания социально-экономического кризиса можно лишь обнаружить некоторые обстоятельства (разрыв прежних административных хозяйственных связей, демилитаризация экономики и т.д.) или действия (отставание законодательной базы, неконкурентная подсистема налогообложения, неэквивалентный обмен и т.д.), которые обусловили углубление социально-экономического кризиса, но не причины, которые его обусловили.

3. Экономический кризис рассматривается как одно из проявлений кризиса АКС, в широком использовании опыта проведения современных экономических реформ, накопленном передовыми странами мира (ФРГ, Швеция, Япония), в заимствовании рыночной технологии. В данном случае исходят из того, что АКС не только исчерпала полностью ограниченный ресурс модернизации, но и сама подлежит демонтажу. Опыт 80-х годов подтверждает, что любые преобразования в условиях АКС, затрагивающие ее системное качество, или отвергаются, или имеют обратный эффект — ухудшают ее и ускоряют развал. В частности, об этом свидетельствует развитие полного хозрасчета и закрепление идеи самофинансирования госпредприятий. Опыт подобного рода был накоплен в 60-80-е годы всеми странами бывшего СЭВ. Крылатая фраза “Процесс пошел” — означает очень многое.

Нельзя не согласиться с профессором Л.Бальцеровичем в том, что темпы экономической реформы во многом зависят от реальных “стартовых” (внутренних и внешних) условий. Еще три года назад экономическая ситуация в Беларуси была примерно такой же, как в Венгрии, Чехо-Словакии, лучше, нежели в Польше, странах Балтии. К таким *благоприятным условиям* на старте следовало отнести возможность создать стратегические запасы энергоносителей по низким ценам, достаточно устойчивую финансово-кредитную систему, высокую конкурентную способность товаров и дисциплину труда, практически нулевую внешнюю задолженность, высокую склонность населения к сбережениям и достаточно активную ин-

вестиционную деятельность хозяйствующих субъектов.

Сегодня национальная экономика Беларуси, утратив такие преимущества, оказалась на грани *катастрофы*. С позиций компартивного анализа современных экономических систем крайне сложно классифицировать произошедшие за три последних года изменения. Заметно, что проходил процесс децентрализации АКС; изменялась структура бюрократии. Начался стихийный процесс первоначального накопления капитала. Сформировалась незначительная прослойка частных предпринимателей. Но основным хозяйствующим субъектом по-прежнему оставалось государство. Поэтому в госсекторе и не включался очистительный механизм банкротства. Доминирующие догмы “государственного социализма” не позволили приступить к разгосударствлению экономики.

Процесс приватизации не разворачивался. Механизм спроса и предложения не выступил в качестве регулятора перелива капитала.

В целом нет оснований говорить о кризисе “рыночных преобразований”, потому что они не набрали “критической массы”. Или о кризисе экономики рыночного типа, так как основные позиции сохранялись за прежней социально-экономической системой.

Уровень ВВП, национального дохода, промышленного и сельскохозяйственного производства снизился на 30-35%. В условиях, когда не изменялись экономические отношения, это сопровождалось обострением проблемы распределения и перераспределения “национального пирога” между традиционными “едоками”. Отсюда непрерывное перекраивание налоговой системы, инфляция и т.д. Стремление стабилизировать децентрализованную АКС, которая теряла все более управляемость, привело к деинвестированию материального производства, т.е. к проеданию фонда накопления, росту внешней и внутренней задолженности государства, обесценению денежных сбережений населения, превращению галлопирующей инфляции в особую разновидность налога на потребителя, к снижению в 5-8 раз уровня жизни населения. Лихорадочный поиск “внешних ис-

точников финансирования” породил идею “сдачи” национальной денежной системы; впереди — распродажа национального богатства (трубопроводы, лес, месторождения, земля под полигоны, индустриальные гиганты) наподобие распродажи фамильного серебра.

Можно согласиться с профессором Л.Бальцеровичем и в том, что в период радикальной реформы не избежать кратковременного спада производства: из-за изменения структуры спроса населения, закрытия убыточных “политических фабрик” вслед за первыми бюджетными ограничениями, включение механизма демилитаризации производства. Но, с другой стороны, включаются факторы экономического роста, присущие частному сектору. Да и снижение на 10-15% — серьезное испытание, позволяющее говорить о “шоке”. Наша реальность — снижение на 30-35%, при отсутствии адекватных структурных сдвигов, выхода конверсии на заключительный этап. Более того, создан огромный потенциал для углубления кризиса на ближайшие год-полтора. Так, спад производства не дополняется открытой массовой безработицей. Отсюда снижение дисциплины, инфляция предложения и спроса, незаработанные деньги и массовое возвращение трудовых коллективов. Снижение эффективности производства и рост числа убыточных производств не дополняется “экономической санацией производства”, так как не включается механизм банкротства.

Снижение объемов производства не сопровождается адекватным снижением потребления энергосистем. При снижении ВВП до 65% реальная зарплата уменьшилась до 12-15%, при этом снижены и инвестиции. По некоторым расчетам есть основание предположить, что 20-25% национального дохода разворовывается, подпитывая и утечку капитала на Запад и Восток.

В итоге возникает вопрос: какое “правительство реформаторов” осмелится разрушить эти и другие “макроэкономические ловушки” в условиях, когда идея радикальной экономической реформы уже значительно дискредитирована в общественном сознании, когда, как в

“Федорином горе”, “и чайник ска- зал утюгу: я дальше идти не могу”.

И тем не менее единственный выход — это разработка и последовательная реализация концепции радикальной экономической реформы. Поэтому прежде всего позволю себе выделить некоторые общеметодологические принципы разработки подобной программы.

1. Нужно признать, что национальная экономика находится на грани катастрофы. Поэтому кабинет реформаторов крайне нуждается в национальном доверии на период проведения (минимум) чрезвычайных стабилизационных мер (2-3 месяца), т.е. в кредите доверия.

2. Существует проблема достижения баланса между экономическими преобразованиями и сдвигами в надстройке. Выявляется следующая причинно-следственная зависимость: изменение экономической ситуации — реформа экономической системы — изменение политической ситуации — становление новой политической системы — волеизъявление народа. С этих позиций надо признать, что 1994 год уже потерян для проведения радикальной реформы, если оценивать сроки и последовательность намечаемых выборов.

3. Существует опасность имитирования реформы АКС, остановки на полпути. Дело не только в дефиците подобного опыта. Сказывается наличие широкой социальной базы АКС. Поэтому необходимо обеспечивать системность преобразований, их целенаправленность, достижение постоянных позитивных изменений, расширения социальной поддержки.

4. Следует моделировать процесс намечаемых преобразований, выделять в каждом случае не только желаемый “плюс”, но и возможный негативный эффект. Это обязывает разрабатывать контрмеры по локализации таких последствий. В целом следует признавать, что между целью и средствами достижения макроэкономического равновесия всегда существует определенное противоречие. В первую очередь это касается классических макроэкономических целей (инфляция, безработица, экономический рост, внешняя экономическая деятельность). Так, если инфляция обязывает регулировать доходы домашних хозяйств, то заметно, что такие

действия противоречат идее свободного рынка рабочей силы, да и могут парализовать сами стимулы к производительному труду. Обратная “жертвенная” зависимость существует между инфляцией и безработицей, что и отражает известная “кривая Филлипса”. Выбор приоритета зависит от степени национального согласия.

5. Существует проблема определения “национального пути” развития. Заметно, что вплоть до осени 93 года правительственные экономисты отстаивали идею собственного пути развития. Реально речь шла лишь о камуфлировании крайне низких темпов реформ, по сравнению с Россией, странами Балтии и т.д. Сегодня эти разработчики уже ратуют за экспорт законодательной базы России, вслед за присоединением к российскому рублю...

Единственно возможный подход — это широкое использование мирового опыта проведения радикальных экономических преобразований с учетом имеющейся специфики и национальных особенностей Беларуси. Абсолютизация идеи “собственного пути” — это перспектива африканской страны. Недооценка параметров национального суверенитета — это разновидность неокOLONиализма.

6. При внедрении рыночной технологии, включении механизма спроса и предложения, формировании полноценных и динамичных рынков производства, достижении макроэкономического равновесия между сбережениями и инвестициями решающее значение приобретает на исходных этапах денежно-кредитная и финансовая стабилизация. Устойчивость денежной системы, вопросы миграции капитала, склонности населения к сбережениям приобретают судьбоносное значение. Ссылки на ограниченность монетаризма со стороны тех, кто по служебным обязанностям ответствен за стабильность денежно-кредитной сферы, лишены позитивного содержания.

7. Радикальная экономическая реформа традиционно включает следующие этапы:

- системная стабилизация;
- экономическая либерализация и структурные сдвиги;
- экономический рост.

Каждый этап имеет свое основное содержание, предполагает достижение определенной цели, подготавливая одновременно предпосылки и условия для следующего этапа. В нынешних условиях уже не обойтись без особого этапа "чрезвычайных" мер или "чрезвычайной стабилизации".

В итоге получаем четыре этапа. Первые два этапа займут примерно 6-12 месяцев. Третий еще 12-18 месяцев, чтобы по основным макроэкономическим показателям выйти на отметку начала 92 года.

В нашем понимании характеристика содержания отдельных этапов выглядит следующим образом.

Этап чрезвычайных мер. На первом месте — преодоление финансово-платежного кризиса, спасение государства от банкротства и тем самым избежание потери государственности. Это предполагает: торможение инфляции, утечку капитала. Ревизия госбюджета, внебюджетных фондов. Снятие "чрезвычайного налога". Налоговая амнистия и амнистия сокрытия капитала в течение 30 дней. Антикоррупционные мероприятия. Меры по ресурсосбережению, поиск альтернативных источников ресурсообеспечения. Ревизия готовых наработок (приватизация и др.) и их включение. Дедолларизация экономики. Активизация госполитики доходов. Замораживание доходов в обмен на временное фиксирование цен по основным видам продовольствия. Ограничение деятельности монополистов-посредников как фактора инфляции.

Этап непосредственной стабилизации. Выдвигается проблема более эффективного использования потенциала: мощности, безработица. Дальнейшее снижение инфляции, уменьшение до минимума дефицита госбюджета. Денежно-кредитная стабилизация, завершение "малой" приватизации. Изменение в политике доходов: переход к регулированию зарплаты с учетом уровня производительного труда. Жесткий прессинг на спекулятивную часть прибыли. Финансовые льготы по прибыли, полученной за счет снижения издержек производства. Возврат обесцененных вкладов населения, защита сбережений населения, закрепление высокой склонности населения к сбережениям. Стабилизация инвестиционного механизма госпредприятия. Формирование системы привлечения и производитель-

ности использования иностранного капитала. Широкая реализация программы "чековой приватизации". Повышение конкурентной способности налогообложения как подсистемы национальной экономики.

Ревизия функций госсектора. Развитие рыночной инфраструктуры. Укрепление подсистемы коммерческих банков, инвестиционных фондов, страховых организаций и т.д. Проведение денежной реформы.

Этап экономической либерализации и структурных сдвигов. Основной курс — экономическая свобода, формирование "смешанной экономики". Это сопровождается дальнейшим разгосударствлением экономики, активным регулированием открытой безработицы, достижением структурных сдвигов. Стимулирование агробизнеса и малого бизнеса. Широкое реформирование колхозно-совхозного строя. Завершается формирование подсистемы иностранных инвестиций. Развитие получают отрасли потребительского сектора, завершается демилитаризация экономики, реализуется программа по развитию.

Этап экономического роста. Основное содержание не только 5-6% ежегодного прироста национального дохода и т.д., но и достижение нового качества экономического роста, когда материальное производство ориентировано на реальные потребности населения. Формируется "экономика природопользования", обеспечивается социальная ориентация экономического развития, закрепления в предпринимательстве национальных мотивов и традиций. Открытость национальной экономики позволяет использовать преимущества международного разделения труда.

В целом каждая из приведенных позиций, безусловно, предполагает более или менее подобные расчеты и обоснования, которые здесь опускаются. Следует лишь добавить, что успех стабилизационной программы, а затем и самой экономической реформы будет зависеть не только от пакета мероприятий, но и от умения своевременно определить очередность и оптимальную интенсивность их проведения, т.е. от профессиональных качеств реформаторов-экономистов, от их готовности до конца пройти всю дистанцию труднейшей реформы.